

УДК 316.74:81

Т.В. Амосова

СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Беларусь является молодым независимым государством, и в связи с этим особый интерес вызывают вопросы национальной идентичности, национального единства, и, не в последнюю очередь, проблемы языкового планирования. Языковая компетенция и языковой капитал нации – это существенный экономический и культурный ресурс. В сфере основных интересов социологии языка, которой уделяется недостаточное внимание в отечественной науке, – языковая идеология, политика и практика, а также роль языка в социальной стратификации.

В статье рассмотрены некоторые вопросы истории социологии языка, основные направления и методы исследования.

Ключевые слова. Социология языка, языковая политика, языковая идеология, языковая практика, языковой капитал, символический капитал, социальная стратификация, агентство по языковому планированию.

Введение

Отечественной науке известны многообразные социологические теории среднего уровня: экономическая социология, социология управления, гендерная социология, социология медицины, семьи, спорта и чтения. Но практически нигде не говорится о социологии языка, которая решает прикладные, насущные проблемы. Язык – это не только средство коммуникации, но и мощный социальный механизм, который можно использовать как катализатор социального единства, символический капитал, указывающий на принадлежность к определенной социальной страте, а также как инструмент дискриминации и способ национальной сегрегации. Словом, у языка в обществе так много функций, что одна лингвистика, которая занимается внутренней структурой языка и его эволюцией с учетом, внутренних резервов, не может и не должна охватывать весь этот круг проблем. Языковедение – более широкий спектр дисциплин о языке, но все эти дисциплины, занимаясь строем языка, его природой, генезисом и эволюцией, игнорируют изучение мотивации к определенному языковому поведению, психологию языкового поведения, политический, идеологический и экономический аспекты языковой практики.

Социолингвистика, которая наиболее близка социологии языка, решает проблемы языковой практики на микроуровне с выходом на средний уровень, то есть на уровне индивида и социальной группы, в то время как социологию языка интересует макроуровень, уровень социума. Тем не менее, достаточно часто социология языка «захватывает» и средний уровень, то есть уровень социальной группы. Провести границы между социолингвистикой и социологией языка нелегко. Некоторые исследователи воспринимают эти понятия как синонимы. В любом случае социология языка, основной вопрос которой – языковое планирование на уровне этноса, нации и даже мирового сообщества, должна опираться на результаты социолингвистических исследований, проводимых на микроуровне.

Научный руководитель – В.И. Русецкая, доктор социологических наук, профессор, ведущий специалист Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Результаты социолингвистических исследований находят отражение в социологических теориях общего характера. Так, понятие гиперкорректности, введенное Вильямом Лабовым и характеризующее преувеличенное употребление престижных речевых маркеров, проистекающее из желания индивида неопределенного социального статуса подчеркнуть свою близость к группе привилегированных, может быть интерпретировано в рамках теории Веблена. Концепция Веблена состоит в том, что подозрительное (слишком частое и неуместное) употребление статусных символов характерно для таких групп, как *нувориши*, которые озабочены признанием со стороны социальной элиты [8, с. 24].

Многие социолингвистические исследования примыкают к теории социальной стратификации и предоставляют ей богатую пищу для размышлений. Характерные формы речи могут проводить границы между местными и чужаками, подчеркивать социальную идентичность и сохранять ее автономность или же указывать на референтную группу.

В белорусском обществе существует заметное размежевание между городом и селом. Попыткой отчуждения от своего «сельского» прошлого у новых жителей городов выступают такие гиперкорректные формы, как «*ринок*», «*риба*», «*комари*». Анализ частотности подобных гиперкорректных форм в речи городских жителей может наметить подходы к исследованию проблемы миграционных процессов в Беларуси.

Итак, социология языка рассматривает такие ситуации, когда язык используется как инструмент воздействия на социум или же когда роль социума чрезвычайно активна при воздействии на язык. Приведем примеры ситуаций, составляющих проблемное поле социологии языка.

В США, где не принят федеральный закон об официальном языке (то есть в стране фактически нет официального языка, давно проводится языковая дискриминация: человек, который не знает английского языка) не может участвовать в выборах, получить водительские права и в целом испытывает на себе ряд серьезных ограничений. Во многих штатах осуществляется так называемая политика “English Only”, которая фактически стала действенным ограничителем миграции в эти штаты из Мексики и других стран Латинской Америки, а также стран Азии. Язык используется как фильтр в деле «улучшения качества» населения [12].

Другим примером использования языка как инструмента политической дискриминации может выступить ситуация в Российской Федерации, где в конституциях многих республик указано, что в президенты республики может баллотироваться только ее гражданин, знающий русский язык и язык титульной национальности. Очень немногие знают язык народа, давшего название той или иной республике. В 1998 году это уже послужило препятствием для реального претендента на пост Президента Башкирии. В Туве же, в соответствии со ст.33 Конституции этой республики только тувинский является официальным языком [4, с. 86].

Ярким примером языковой дискриминации служит поведение стороны обвинения на Нюрнбергском процессе, которую представляли американцы. В этом процессе, как известно, участвовали американская, британская, советская, французская и немецкая стороны. Обвинение настаивало на принятии к сведению судом огромного количества документов на английском языке без перевода. На Нюрнбергском процессе впервые была апробирована система автоматического устного перевода, и судейская коллегия постановила зачитывать все документы, которые обвинение считало нужным приложить к делу, вслух, что резко сократило их число. Один из обвинителей выступил с речью, направленной против генерала Йодля, заявив, что бесспорным доказательством вины генерала является его дневник, находящийся в распоряжении стороны обвинения, но из обвинителей никто по-немецки не читает, поэтому трудно сказать, что именно

содержится в этом дневнике. В свою очередь, обвиняемые оказались «на высоте», продемонстрировав преимущества билингвизма. Так, обвинение рассчитывало морально подавить Геринга. Но он знал английский язык и обдумывал ответы на вопросы, прослушивая запаздывающий перевод на немецкий язык. После этого он обескураживал обвинение утомительными, долгими ответами [14].

Часто в социуме возникает проблема использования того или иного языкового кода как маркера определенной социальной группы. Язык – это символический капитал (автор концепции символического капитала – Пьер Бурдьё), который позволяет носителю языка идентифицировать себя с той или иной социальной группой, выражая солидарность с ней. И напротив, другие могут идентифицировать его как представителя той или иной социальной группы. Акцент может выдать социальный и экономический статус человека. Эта проблема резко стоит в Израиле, где еврейское население делится на две больших этнических группы: ашкенази и мизрахи. Первые говорят на иврите с характерным ашкеназским («европейским») акцентом, а вторые, являясь выходцами с Востока, говорят на иврите с «восточным» акцентом, который считается менее престижным и указывает на более низкий социальный и экономический статус говорящих.

Изучение того, как решаются эти и подобные проблемы в других странах, может послужить хорошей базой для грамотного проведения языковой политики в нашей стране и создать прочную основу для успешной межкультурной и межнациональной коммуникации. Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемных полей социологии языка, основных категорий социологии языка и методов исследования, характерных для данной дисциплины.

История социологии языка и основные направления исследований

Автором самого термина «социология языка» и пропагандистом социологии языка как теории среднего уровня является известный ученый Джошуа Фишман. С середины 1960-х годов он выступал и по сей день выступает автором и соавтором многочисленных работ в области социологии языка. С 1974 года под редакцией Джошуа Фишмана выходит «Международный журнал социологии языка» (*International Journal of the Sociology of Language*). Таким образом, наша дисциплина насчитывает более сорока лет своей истории.

Как пишет сам основатель этой отрасли социологии в предисловии к первому номеру «Международного журнала социологии языка» (МЖСЯ), существует два полярных взгляда на язык. С одной точки зрения, язык – это нечто природное, чем можно восторгаться, что можно описывать, но этим нельзя управлять, это нельзя контролировать и изменять. Другие смотрят на язык как на инструмент, который можно отвергнуть в случае необходимости, можно принять, словом, язык – это то, на что можно влиять. Между этими двумя способами понимания одного явления есть не только место, но и необходимость для социологии языка. Джошуа Фишман обещает, что авторы нового журнала будут давать сбалансированный подход к языку как социальному феномену: «Помимо двух взглядов, упомянутых выше, должно быть понимание того, что человек живет в поразительно разнообразном социальном мире, и что, поэтому существует такой же поразительно разнообразный набор рациональных взглядов, явного поведения, скрытой готовности и эмоциональных установок по отношению к языкам и языковым вариациям социальной реальности. Социология языка стремится, прежде всего, вскрыть и понять часть этой реальности, которую другие подходы не признают (конечно, имея свои собственные достоинства)». И далее: «Это правда, что социология языка (и МЖСЯ) должна бороться с невежеством лингвистов, которые считают общество приводящим в замешательство перечнем «социальных проблем» и признают «разговоры» единственным социальным контекстом языковой структуры и структуриро-

ванного использования языка. В равной степени, правда, что социология языка (и МЖСЯ) должна бороться с невежеством представителей социальных наук, которые считают лингвистику близорукой озабоченностью «смешными звуками» и «смешными транскрипциями». Это правда, что социология языка должна демонстрировать понимание и концептуально интегративную изобретательность во *взаимодействии социологии и лингвистики друг с другом* [9, с. 6–7].

Автор настоящей статьи встречала такие англоязычные монографии, как «Социология арабского языка», «Социология идиша». Это указывает на то, что в рамках нашей дисциплины проблемы этнической и языковой идентичности предстают в качестве ключевых, но далеко не единственных.

Практически все социологи языка пытаются дать определение трем основным понятиям, составляющим ядро категориального аппарата социологии языка: это *языковая идеология, языковая политика и языковая практика*.

Кэтрин Вулард и Бэмби Шиффелин дают множество определений категории «языковая идеология» в одной из своих статей: это и «ряд представлений о языке, выражаемых пользователями, как рационализация и оправдание принятой языковой структуры и использования языка»; и «очевидные идеи и факты, которых группа придерживается в отношении ролей языка в социальном опыте членов группы в той мере, в которой члены группы участвуют в выражении идентичности группы»; это и «культурная система идей о социальных и языковых отношениях, вместе с несомой ими нагрузкой моральных и политических интересов», но в самом общем виде это «диктуемые здравым смыслом и разделяемые всеми представления о природе языка в мире» [17, с. 57].

Авторы дают исчерпывающий анализ представлений о том, что же такое языковые идеологии. Последние существенным образом отражаются на усилиях по языковому планированию. На самом фундаментальном уровне можно различить три подхода к языку: как к ресурсу, проблеме и праву. Для языкового планирования в постколониальных обществах оказывается применимой модель развития, следующая парадоксальной идеологической установке, что языки, как и общества, могут быть недостаточно развитыми.

«Представления о том, что является, а что не является настоящим языком, и подчеркивание этих представлений, а также идеи о том, что существуют четко идентифицируемые языки, которые могут быть изолированы, поименованы, посчитаны, входят в стратегию социального доминирования. Такие представления и соответствующие им стратегии ранжирования языков как более или менее развитых, были существенным вкладом в глубокомысленные решения о, например, гражданственности или даже человечности субъектов колониального доминирования. Эти представления также квалифицируют или дисквалифицируют речевые вариации в определенных случаях институционального использования, а также поощряют или лишают носителей этих вариаций доступа в привилегированные общественные сферы. Языковое смешение, переключение кодов, креольские языки часто оцениваются как признак более низких языковых способностей, чем требуется...» [17, с. 63].

При всей полноте определений, которые предложили Вулард и Шиффелин, осталось место для уточнения понятий *языковой идеологии, политики и практики*, чем воспользовались известные израильские социологи языка Бернард Спольский и Илана Шохами, которые в 1999 году выпустили книгу, посвященную языковой идеологии, политике и практике в Израиле. По их мнению, языковая практика речевой общности – это привычная модель выбора среди речевых разновидностей, составляющих лингвистический репертуар данной общности, языковая идеология – это представления о языке и его использовании, а также любые специальные усилия, направленные на то, чтобы модифицировать эту практику или повлиять на нее посредством формулировки специальной языковой политики [16, с. 32].

Спольский и Шохами определяют языковую политику как явное утверждение, иногда документально оформленное, касающееся использования языка. Если еще больше сузить смысл термина, то инстанция, проводящая языковую политику, должна пользоваться авторитетом в глазах тех, кто будет следовать этой политике. В противовес этому «идеология» – набор представлений языковой общности о языке, а «практика» – это внутренние правила, которые лежат в основе использования языка той или иной общностью. Они не обязательно должны совпадать.

Спольский и Шохами приводят высказывание одного новозеландского судьи, который отметил, что «закон, делающий маори официальным языком – *политика* в нашей терминологии – не изменил общей *практики* использования английского для большинства общественных целей, основанной на *идеологии*, утверждающей значимость английского как единственно необходимого языка» [16, с. 32].

Термин «языковая политика» появился не так давно, в 1945 году в одной из работ Цеболлеро (Cebollero) [16, с. 32]. К настоящему моменту языковой политикой занимаются многие ученые, представляющие различные отрасли общественно-гуманитарного знания. Поначалу считалось, что вопросы языковой политики тесно связаны с проблемами прикладной лингвистики, но позже пришло осознание того, что языковая политика имеет прямое отношение к политическим наукам и общественному администрированию. Автор настоящей статьи убеждена, что языковая политика – это предмет исследования социологии языка.

Особый интерес для социологов языка представляют *агентства, занимающиеся языковым планированием и языковой политикой*. Такие агентства представляют собой социальные институты с разным перечнем полномочий, разной степенью влияния на общество, разными функциями и задачами. Языковой политикой может заниматься как специальная научно-исследовательская структура, так и президент страны или парламент. Главой государства могут инициироваться референдумы в отношении использования официального языка или языков, как это было в Беларуси. Очень часто в языковую политику и языковое планирование в разных странах вовлечены учреждения, имеющие многовековую историю.

Как пишет Моше Нахир, Академия Французского Языка была основана в 1635 году по инициативе кардинала Ришелье, когда выяснилось, что девять человек собираются по привычке в доме Валентина Конрара с 1629 года и обсуждают языковые вопросы. Ришелье предложил им осуществлять их деятельность официально, под сенью государственной власти, следуя примеру Итальянской академии, возникшей в XVI веке. По мысли Ришелье, это учреждение должно было стать правительственным департаментом, таким же, как департаменты экономики или права. Вопрос о языке стоял остро, поскольку Франция не была единой в языковом отношении. Ришелье планировал с помощью унификации языка решить проблему объединения и солидаризации нации [13, с. 21–22]. Языковой политике монолингвизма, которая была так близка Ришелье и в целом нацелена на консолидацию нации, посвящена одна из публикаций автора настоящей статьи [2].

Функции агентств, проводящих языковую политику, могут различаться в зависимости от исторической, политической, экономической и культурной ситуаций в той или иной стране. Тот же Моше Нахир выделяет пять основных функций: функцию «очищения» языка, функции возрождения, реформирования, стандартизации языка и функцию лексической модернизации [13]. «Очистительная» функция (purification) была и остается основной для Академии Французского Языка. А вот последняя функция наиболее характерна для Академии Языка Иврит.

Социология языка является исключительно развитой отраслью социологии в Израиле, поскольку язык там представляет собой ключевой элемент государственной идеологии, как и во многих других странах. Израиль является поликультурным обществом, стремящимся к национальной унификации, ради чего и проводилась с момента возникновения государства политика «плавильного котла». Но в последнее время идеологи и практики в области

социокультурной политики пришли к пониманию того, что необходимо сохранять то культурное и, главное, языковое многообразие, которым в силу исторических и политических причин обладает население Израиля.

Академия Языка Иврит, основанная в 1953 году, выполняет задачу по производству ивритской терминологии для всех сфер жизнедеятельности израильского общества, а также диктует речевую норму, или стандарт, для всех учреждений, так или иначе связанных с государственным аппаратом. Академия поддерживает государственную идеологию, что выражается в противостоянии новым теориям, раскрывающим природу современного израильского иврита, и финансируется тоже государством.

Взаимоотношения агентств по языковому планированию с другими социальными институтами тоже представляют особый интерес для социологии языка. Крайне важным для успеха таких агентств является то, санкционируется ли их деятельность государством, способствуют ли другие социальные институты их деятельности или, наоборот, препятствуют. В Израиле, например, где большинство населения проходит срочную военную службу, армия содействует насаждению языкового стандарта, вырабатываемого Академией Языка Иврит.

Методы работы агентств по языковому планированию вызывают особый интерес. Именно они должны привлечь внимание отечественных специалистов в области языковой политики. В Израиле, например, население активно привлекается к словотворчеству. Всем заинтересованным лицам предоставляется возможность предложить свою версию еще не существующего термина, а потом члены Академии Языка Иврит путем голосования на заседании Академии выбирают наиболее приемлемые варианты.

В Японии тоже существуют два института, занимающихся прикладными исследованиями в области языкового планирования, выработкой и поддержанием языковой нормы. Это Государственный институт японского языка и Институт культуры радио- и телепередач. Каждый из институтов принадлежит ведомствам, в руках которых сосредоточены установление и поддержание языковой нормы в Японии. Государственный институт японского языка принадлежит министерству просвещения, Институт культуры радио- и телепередач – государственной радио- и телекомпании NHK. В.М. Алпатов пишет: «Каждое из ведомств пользуется законодательными правами по определению языковых норм в пределах своей сферы – соответственно в учебной литературе и в передачах NHK. Институты играют роль центров, разрабатывающих эти нормы. Вне указанных сфер строгого поддержания норм нет, поэтому в литературе частных издательств, в передачах частных компаний возможны определенные отклонения от них» [1, с. 124].

Исследования, нацеленные на повышение результативности языкового планирования, проводятся по детально разработанной методике, позволяющей отобрать должное количество информантов, надежно представляющих те или иные социальные, возрастные и образовательные группы. При этом используются методы математической статистики, психологические и другие методы. В.М. Алпатов приводит пример одного из тестов по отбору испытуемых для социолингвистического исследования. Кандидатам в испытуемые предлагалось посмотреть мультфильм, в котором постепенно собака превращалась в кошку; определялось, в какой момент это отметил тот или иной информант, что указывало на тонкость восприятия. В результате опыта кандидатуры людей с лучшими и худшими результатами отклонялись и к анкетированию допускались лишь лица с наиболее усредненной реакцией, которые имели больше шансов считаться типичными носителями языка. Логика у японцев достаточно странная, но они соотносят способности индивида во владении родным языком со способностями совершенно иной природы, такими как внимательность, наблюдательность и т.д. Подобные тесты позволяют судить о владении языком больших масс населения на основе опроса ограниченного числа (десятков или сотен) людей [1, с. 125–126].

Методы исследований

Социология языка за многие годы своего существования выработала основные методы сбора и обработки данных. Большинство этих методов можно признать традиционными для прикладной социологии в целом.

Опрос во всех его разновидностях является *ключевым методом сбора информации* в социологии языка. Если в социолингвистике исследователей интересуют речевые формы, которым отдают предпочтение информанты, и методы сбора такой информации могут варьировать, от неформализованного интервью и теста на грамотность до включенного наблюдения, то для социологов языка, часто исследующих мотивацию к тому или иному языковому поведению, характерно использование анкетного опроса. Билингвизм, или владение двумя и более языками, является достаточно частым предметом, исследуемым в рамках нашей дисциплины с помощью опросного метода.

Ранее считалось, что случаи билингвизма представляют собой одинаково хорошее владение человеком двумя и более языками. Если подходить к билингвизму с такой позиции, то не удастся выявить сколько-нибудь значительного числа билингвов, в то время как на самом деле огромное количество людей пользуется на практике более чем одним языком. Причем использование того или иного языка напрямую зависит от социального контекста, социальной ситуации или социальной сферы. Например, с друзьями человек общается на одном языке, а с зарубежными партнерами по бизнесу – на другом. Это часто касается профессиональной терминологии: например, в балете профессиональным языком является французский язык, в оперном искусстве – итальянский и т.д. Все это создает предпосылку для переключения языковых кодов, когда человек понимает, что какие-то области социального бытия и своей жизнедеятельности ему легче описать и обсудить на одном языке, а какие-то на другом. И механизмы переключения кодов (т.е. внутренняя логика этого психологического процесса, с точки зрения билингва), и мотивация к изучению новых языков – все это исследуется в рамках социологии языка с применением метода анкетного опроса.

К подобного рода исследованиям относятся исследование Э. Бен-Рафаэля и Хези Броша о причинах того, почему арабский язык, являясь официальным языком Израиля, не изучается в израильских школах в должной мере [7], и исследование Фаууаза Аль-Абеда Аль-Хака об изучении иврита в Иордании [5]. Авторы обоих исследований приходят к похожим результатам. На имидж языка и на его привлекательность влияет характер его носителей в глазах респондентов. Арабский ассоциируется с образом арабского врага у израильтян, а иврит – с образом «израильского соседа» у иорданцев. Это, естественно, влияет на мотивацию к изучению этих языков и на их статус как учебных дисциплин.

В социологии языка для сбора информации традиционно используется метод интервью (одна из разновидностей опросного метода). В книге Даниэля Лефковица «Слова и камни», посвященной социолектам в Израиле и вариациям языка как маркерам социальной стратификации, содержится достаточно много транскриптов неформализованных интервью, проведенных в основном с арабами-израильтянами и с евреями – представителями восточных общин.

Тот же автор предлагает нам пример использования метода наблюдения, когда он проводит общественную работу в общинных центрах и наблюдает за использованием языка, за частотностью употребления заимствований из английского и т.д. Д. Лефковиц также описывает случай спонтанного наблюдения, когда он случайно становится свидетелем переключения языковых кодов. С незнакомцем-исследователем молодой израильтянин говорит на иврите с «престижным» ашкеназским акцентом, с пожилым водителем такси, которого он определил как представителя своей, «восточной» группы – на иврите с «восточным» акцентом [11].

Анализ информации в социологии языка тоже проводится с помощью традиционных социологических методов – количественных и качественных. Исследователи активно привлекают для решения своих научных задач факторный анализ.

Распространенным методом анализа информации является контент-анализ. Речевые клише часто отражают социальные стереотипы. В социологии языка особое внимание уделяется гендерным стереотипам, для исследования которых посредством этого метода анализируется как художественная литература, так и пресса [6].

Примером исследования, проведенного в рамках социологии языка методом анализа дискурсов, является работа Рона Кузара. Он написал книгу о взаимовлиянии языковых и политических предпочтений видных общественных деятелей Израиля. Автор изучил их биографии, их высказывания о языке и политике, их личную переписку и пришел к выводу, что националистическая идеология и мифы о языке неразрывно связаны друг с другом. Порождение мифов о языке – это специальная задача для идеологов-практиков. Истории создания таких мифов как особые дискурсы и рассмотрены Роном Кузаром, который понимает дискурс как *традицию* обсуждения какого-либо политического или социального феномена, в данном случае – языка [10].

Анализ документов тоже нашел свое применение в данной дисциплине. Во-первых, исследуются тексты законов о языке в конституциях разных стран. Во-вторых, если документ воспринимать в более широком значении, то удачный пример применения этого метода можно обнаружить в классической работе Б. Спольского и Р. Купера «Языки Иерусалима», где в качестве документов выступили вывески на магазинах и общественных учреждениях, а также дорожные указатели. Авторы исследуют, какие языки представлены в этих «документах», какова последовательность языков надписей на дорожных указателях и на вывесках. Авторам удалось проследить динамику социальных и политических изменений по документам такого рода, поскольку надписи на каких-то языках уничтожались в зависимости от политической ситуации, менялась последовательность языков на вывесках и т.д. [15].

Итак, методы социологии языка традиционны для социологии вообще. Пожалуй, трудно выделить какие-то специфические методы, характерные исключительно для данной дисциплины. Специфика будет заключаться скорее в предмете и объекте. Предметом могут служить социолекты, или речевые варианты, а объектом – группы носителей этих речевых разновидностей. Вильям Лабов стал известен благодаря тому, что изучал социолекты Нью-Йорка. Для его исследований было принципиально измерить речевую вариативность. Но это, скорее, микроуровень, т.е. уровень социолингвистики [3].

В. Лабов изучал, как меняется частотность употребления конечного [ɹ] в словах в зависимости от принадлежности испытуемого к той или иной социальной страте. В отличие от британского английского, в американском английском более престижным вариантом языка считается тот, где [ɹ] произносится на конце слов. Следует отметить, что Лабов проводил свои исследования в 70-х годах прошлого века, и ситуация с дистрибуцией [ɹ] могла измениться с тех пор. Важно следующее: он сделал вывод, что представители высших слоев общества позволяют себе и тот, и другой вариант речи, а представители более низких слоев используют только непрестижный вариант. Это говорит о том, что представители высших слоев общества осознанно маркируют свой высокий статус определенным типом речи, когда этого требует ситуация.

Выводы известного исследователя еще раз подчеркивают, что область интересов социологии языка расположена очень близко к тем проблемам, которые решает теория социальной стратификации.

Заключение

Краткий обзор основных направлений исследований в области социологии языка наметил, как кажется автору данной статьи, интереснейшие перспективы для отечественной

науки, для практиков в области языкового планирования. Языковой аспект является важным для многих социальных сфер, таких как образование, международные контакты, международное право, миграционная политика; это важнейшая сторона деятельности масс-медиа.

Особенности словоупотребления в масс-медиа давно стали краеугольным камнем при создании определенных социальных мифов. Сейчас проводится много социологических исследований, связанных с воздействием рекламы на аудиторию, да и с созданием рекламы. Нужно помнить, что слово – это основное средство воздействия на сознание, поэтому пренебрегать его социальной ролью нельзя.

В эпоху глобализации языковой вопрос приобретает предельную остроту. Количество языков на планете неизбежно уменьшается, и особую значимость получают языки наций – планетарных лидеров. Нас вынуждают становиться билингвами. Это языковое давление имеет и позитивную, и негативную стороны. Хорошо, что мы приобретаем доступ к новым каналам информации и получаем дополнительные возможности профессионального роста благодаря знанию других языков, но плохо то, что принцип языковой дискриминации становится мощным механизмом деления людей на «первый» и «второй» сорт. В некоторых странах, таких как Китай, Южная Корея, Израиль, человек не может рассчитывать на хорошую работу без знания английского языка.

Несмотря на то, что в современном мире смерть языка – это почти нормальное явление и постепенно человечество подходит к языковой унификации, уже наметилась тенденция, противостоящая культурному и языковому «усреднению» всей планеты. Основная черта политики Европейского Союза в отношении языков – это поддержание языкового разнообразия. Внутри ЕС существуют многочисленные программы, поощряющие развитие наименее изучаемых языков Европы и языков с небольшим числом носителей (TEMPUS и другие). Например, на датском языке говорят только 5 млн. человек, а на эстонском – около 1 млн. человек с учетом 500 тыс. русскоговорящих граждан Эстонии. ЕС следит за тем, чтобы ни один из европейских языков не подвергался дискриминации, чтобы на всех языках производилось радио- и телевидение, чтобы издавались учебные пособия по всем европейским языкам.

Для нашей страны крайне важно придерживаться таких же демократических принципов в языковой сфере и поддерживать государственное двуязычие. Это означает, что ни один из государственных языков не должен быть ущемлен в своем статусе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, В.М. Япония: язык и общество / В.М. Алпатов. – Москва : Муравей, 2003. – 195 с.
2. Амосова, Т.В. Монолингвизм как полифункциональный тип языковой политики / Т.В. Амосова // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе : сб. статей, подготовленных по итогам Пятой межинститутской науч.- практ. конференции молодых ученых, 24 июня 2005 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Евелькин [и др.]. – Минск, 2005. – С. 108–116.
3. Белл, Р.Т. Социоллингвистика: Цели, методы, проблемы / Р.Т. Белл. – Москва : Наука, 1980. – 318 с.
4. Дробижева, Л. Возможность либерального этнонационализма / Л. Дробижева // Аналитич. сер. / Моск. центр Карнеги. – Москва, 2000. – Вып. 3: Реальность этнических мифов. – С. 77–94.
5. Al-Abed Al-Haq, F. A sociolinguistic study of Hebrew in Jordan / F. Al-Abed Al-Haq // International Journal of the Sociology of Language (Int'l. J. Soc. Lang.). – 1999. – № 140. – P. 45–58.

6. Ariel, M. A self versus other point of view in language: redefining femininity and masculinity / M. Ariel, R. Giora // *Int'l. J. Soc. Lang.* – 1998. – №129. – P. 59–86.
7. Ben-Rafael, E. A sociological study of second language diffusion: the obstacles to Arabic teaching in the Israeli school / E. Ben-Rafael, H. Brosh // *Language Problems and Language Planning.* – 1991. – Vol.15. – № 1. – P.1–24.
8. Ben-Rafael, E. Language, identity and social division: case of Israel / E. Ben-Rafael. – New York : Oxford University Press Inc., 1994. – 462 p.
9. Fishman, J. Introduction / J. Fishman // *International Journal of the Sociology of Language.* – 1974. – № 1.
10. Kuzar, R. Hebrew and Zionism / R. Kuzar. – Berlin-New York : Mouton de Gruyter, 2001. – 324 p.
11. Lefkowitz, D. Words and stones: the politics of language and identity in Israel / D. Lefkowitz. – Oxford–New York : Oxford University Press, 2004. – 316 p.
12. Mora, M.T. State English-only policies and English-language investments / M.T. Mora, A. Davila // *Applied Economics.* – 2002. – № 34. – P. 917–929.
13. Nahir, M. Language academies, language planning, and the case of the Hebrew revival / M. Nahir. – Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1973. – 213 p.
14. Smith, B.F. Reaching Judgment at Nuremberg / B.F. Smith. – London : Andre Deutsch, 1977. – 465 p.
15. Spolsky, B. Languages of Jerusalem / B. Spolsky, R.L. Cooper. – New York : Oxford University Press, 1991. – 167 p.
16. Spolsky, B. The languages of Israel: policy, ideology and practice / B. Spolsky, E. Shohamy. – Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1999. – 299 p.
17. Woolard, K.A. Language ideology / K.A. Woolard, B.B. Schieffelin // *Annual Review of Anthropology.* – 1994. – № 23. – P. 55–82.

Amosova T.V. Sociology of Language: Research Field and Methods

Belarus is a young independent nation, and concerning this the questions of national identity, national unity and problems of language planning are of paramount importance now. Linguistic competence and linguistic capital of the nation are significant economic and cultural resources. Language ideology, policy and practice as well as the role of the language in social stratification are amongst the leading themes of the sociology of language.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.12.09